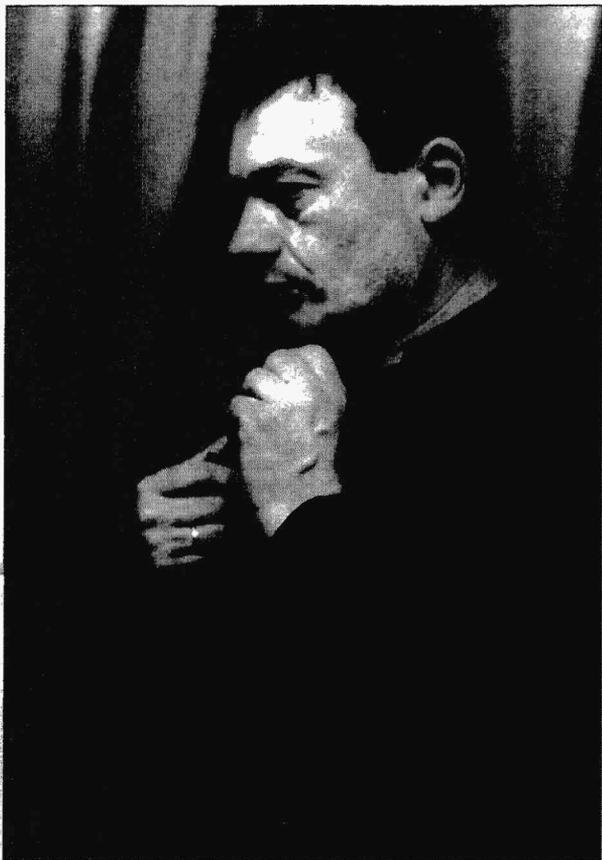

Настоящее искусство – всегда скандал

Кубоватура — 2001. — 25-31 окт. — 0.9

Кажется, подходит к концу затянувшаяся эпоха "безглавредства".

В частности, пресловутый московский театральник треугольник "Малая Бронная – Пушкинский – Станиславского" обрел своих творческих руководителей, перед которыми, безусловно, встала важнейшая задача преобразования вверенных им коллективов в успешные и посещаемые. Поэтому с кем, как не с ними, можно продолжить начатый на страницах нашей газеты разговор о "театре для публики". На этот раз соissons соображениями делится художественный руководитель Театра им. А.С.Пушкина Роман КОЗАК.

ГОРОХА УТЕРЯНА

— Роман Ефимович, на ваш взгляд, проблема привлечения зрителя в театр в большей степени коммерческая или творческая?

— А я бы не разделял эти две стороны. Другое дело, кто какие цели на данном пути преследует. Можно строить коммерческий буржуазный театр — и вполне успешно. Можно строить просто культурный театр — и тоже успешно. Большой роли не играет, смотрят спектакль три человека или пятьсот тысяч на стадионе. Культурная акция самооценна. Разговор ведь ведется не только на уровне количества. Вернее, вообще не на уровне количества. Поэтому мне кажется, что сегодня такое время — если говорить о драматическом театре, о его выживаемости, с одной стороны, и о его предназначении, с другой, — когда то и другое соединено, это самый счастливый случай. Это тот вариант, который мне внутренне близок. Ваша газета называется "Культура", и это одно из моих самых любимых слов. Когда спектакль, картина, музыкальная пьеса, фотография являются предметом культуры, тогда этим стоит заниматься. Поэтому надо добиваться успеха, в том числе и коммерческого, средствами культуры.

— Вы считаете, что это возможно?

— Да, конечно. Это самое трудное, но это вполне реально. Я видел в своей жизни тому подтверждение, когда зритель очень хочет попасть на очень хороший спектакль. Правда, чаще всего бывает, что зритель хочет все-таки попасть на плохой спектакль.

— Мне кажется, что сегодня это одна из самых серьезных проблем на театре; публика по большей части любит спектакли, где качество находится на самом заднем плане, и не воспринимает то, что является действительно

фактом искусства. Скажем, если брать Театр Пушкина, то здесь идут спектакли Дмитрия Астрахана. Как вы полагаете, есть ли смысл делать основную ставку именно на них? Или вы другого мнения о титле театра, который предлагает Астрахан?

— Это очень доступный даже не театр, а обмен сплетнями между залом и сценой языком драматического искусства. Он имеет право на существование, ибо такие спектакли не просто хорошо идут — на них публика двери сносит. Что помогает жить и театру, и актерам, которые в нем работают. Другое дело, что я как режиссер никогда не поставлю таких спектаклей. И как зритель никогда на них не пойду. При этом у меня с Астраханом прекрасные отношения. На него ходит зритель, и это тоже важно. Потому что при большом стечении народа в театре рождается то, ради чего он и существует, — ежесекундный обмен энергией.

— Но должны ли спектакли выходить за пределы театра, формировать лицо театра?

— Думаю, нет. Доминировать должен факт искусства, факт открытия, предмет режиссерского, актерского или драматургического поиска. Моя задача как руково-

дителя театра — чтобы эта площадка стала местом театральных событий. Не дешевого однодневного успеха, когда поговорили и забыли, а именно события. Конечно, это задача почти невыполнимая, но мы в глубине души остаемся оптимистами и будем работать на эту идею.

— Если вернуться к проблеме театрального лица, по-вашему, какое слово должно приходиться в голову при произнесении "Театр Пушкина под руководством Романа Козака"?

— Какое слово? "Театр".

— А не слишком ли расслышано?

— Как раз нет. Наоборот, это наиболее редко достижимое сегодня понятие. Чтобы зритель приходил посмотреть на факт театрального искусства. Ведь порой и те, кто работает в театре, и те, кто туда приходит, забывают об этом. Сегодня театр — это зачастую такой негласный договор разнородных людей. Тем, кто на сцене, неинтересны люди в зале, и наоборот. На два часа все делают вид, что друг другу интересны. Но когда мы расходимся, то с нами ничего внутри не происходит. Это и есть отсутствие театра. В театре человек должен меняться, хотя бы на секунду. И на сцене, и в зале.

— Насколько я понимаю, вы не

берете на себя груз всех заявленных на сезон премьер?

— Нет, боже упаси. Еще раз повторю: еще до моего прихода был сверстан план, и он будет осуществляться. И это очень хорошо, потому что спектакли "Разбойники" и "Недосягаемая" дадут мне некий "затакт", чтобы я за это время разобрался, что к чему в театре, где я работаю. И, безусловно, я не собираюсь занимать здесь все режиссерское пространство исходя из излагаемой мной концепции "события". На дворе у нас двадцать первый век, который в театре определяет режиссура. И я очень хотел бы, чтобы у нас стали настоящими режиссеры. Я активно веду переговоры. Возможно, следующий сезон получится у меня питерским: сейчас идут разговоры с Григорием Козловым, Юрием Бутусовым, есть желание работать с Григорием Дятятковским. А уже в этом сезоне у нас порабатает Владимир Петров — бывший худрук Омской драмы.

— Что должно быть в режиссуре, чтобы он заинтересовал вас как руководителя театра? Ведь помимо уже названных имен вы пригласили еще Владимира Агеева, Кирилла Серебренникова...

— Да, и еще Василия Сенина, выпускника Петра Фоменко, прозвучавшего в прошлом сезоне дипломным спектаклем "Фро". Он заявил пушкинских "Цыган".

— Так какими образом такие разные персонажи укладываются в афишу? Или вы не стремитесь выстраивать единую репертуарную линию?

— Стремлюсь. Что касается этих трех молодых режиссеров, они укладываются в систему того, что должно происходить в Сыктинском переулке. Я очень хочу, чтобы филиал стал неким полигоном-лабораторией. Правда, первый спектакль — мой: я поставил японскую пьесу "Академия смеха" с актерами Николаем Фоменко и Андреем Паниным. В филиале должны происходить радикальные, резкие движения. Самые резкие. Но это будет процесс поиска: автора, фамилии, режиссерского приема. Там должны появляться новые явления, будь то человек, пьеса или направление. Не исключены ошибки. И возможны скандалы.

— Это уже ступенчатый вопрос. Значит, для вас элемент скандала необходим?

— Абсолютно. Но скандал должен быть по делу. Не хочется себя приводить в пример, но когда мы выпустили в свое время "Эмигрантов" в Театре-студии "Человек", это был скандал. Важно, какого сорта, какого задела этот скандал. Можно снять штаны и показать зрителю место понюже спины, но я этого не допущу. Кроме того, кого сейчас этим удивишь. А настоящее искусство, подлинное открытие — это всегда скандал. Ибо оно идет вразрез с общепринятым взглядом. И я буду счастлив, если это будет происходить именно здесь, в Пушкинском театре.

— Вы пригласили в работу Николая Фоменко, человека, бесспорно, одаренного, но имеющего заведомо коммерческое имя. Не пугает ли вас, что зритель, пришедший "на Фоменко", может не почувствовать каких-то важных моментов спектакля, а будет разинув рот смотреть на экранного кумира?

— Все зависит от количества извилил в голове у пришедшего. Если оно таково, о котором вы говорите, может быть, в следующий раз придут и последят за чем-то другим. Я на них не оглядываюсь. Нас с Фоменко заботят совсем другие вещи — как передать наш замысел. Николай — очень серьезный человек и подходит к себе как к актеру с высочайшими требованиями. И для него возвращение к себе как к тонкому драматическому артисту — просто новый этап в жизни.

— С публикой разобрались, а вот что касается критиков, то у них сформировался устойчивый предрассудок по отношению к Театру имени Пушкина, заведомо предвзято к нему отношение. На ваш взгляд, стоит ли преодолевать эту ситуацию?

— Только незамечанием его. Сколько времени нас пугают, говорят о проклятии театра. Но я уверен, что он так же проклят, как и все остальные. К подобным вещам я как человек верующий отношусь с иронией.

— Но я говорю не о "проклятии", а о более прозаических вещах. Ведь последние сезоны Пушкинский переживал не самые лучшие времена.

— Если вы назовете мне театр, всегда переживающий лучшие времена, я очень удивлюсь. Неинтересных театров много. И моя задача как художественного руководителя как раз и состоит в том, чтобы сделать этот театр интересным. Специально задумываться о том, как меня воспримут, я не собираюсь. Много чести. Если мои замыслы осуществляются, люди захотят сюда прийти. Алгоритм самый элементарный.

— Скажите, а опасения у столь уверенного в себе и своем деле худрука существуют?

— Опасный много. Не только в театре, но и в жизни я спасаюсь глупости, пошлости, дурного вкуса. И внутренний камертон всегда прежде всего реагирует на эти вещи. Даже порой в ущерб яркости не надо идти на глупость. Раньше я сам делал глупости. Но сейчас стал более осторожным, хотя иногда бывают всплески безумств. Вот ошибок не боюсь. А в целом мне очень хотелось бы, чтобы из обычного, среднестатистического — хотя в очень хороших статистических показателях по зрительности — Театр Пушкина превратился бы в театр своеобразный, нестандартный. Со своим лицом. Лицо невозможно придумать, сидя в кабинете, надо прислушиваться к живой природе, брать ее в соавторы.

Беседу вел
Алиса НИКОЛЬСКАЯ